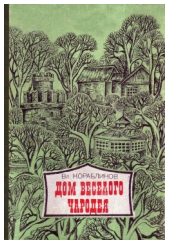
В. КОРАБЛИНОВ
ДОМ ВЕСЕЛОГО ЧАРОДЕЯ

Владимир Александрович Кораблинов
Зимний день

Сканирование, вычитка, fb2 Chernov Sergey
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=274102
Кораблинов В.А. Дом веселого чародея (повести и рассказы): Центрально-Черноземное книжное издательство; Воронеж; 1978

Аннотация

«… Наконец загремела щеколда, дверь распахнулась. Кутаясь в старенький серый платок, перед Мочаловым стояла довольно высокая, худощавая женщина. На сероватом, нездоровом лице резко чернели неаккуратно подведенные брови. Из-под платка выбивались, видно еще не причесанные, черные волосы. Синяя бархотка на белой худенькой шее должна была придать женщине вид кокетливой игривости. Болезненность и страдание провели множество тонких, как надтреснутое стекло, морщинок возле рта, на щеках. Все в ней было жалко и нехорошо. Одни глаза, прекрасные, синие, необычайным огнем горели из глубоких, чуть фиолетовых впадин и точно освещали все лицо.

«Она! – подумал Мочалов. – Его последняя любовь…» Он уже не помнил, от кого слышал об этом кольцовском увлечении, чуть ли не от Васеньки Боткина. Тот еще, помнится, в этаких игривых тонах рассказывал Мочалову об этом кольцовском романе. И Мочалов тогда же, как и Боткин, думал, что это у Алеши так, от воронежской скуки, пустячок…

Сейчас он стоял пораженный. Синее пламя Вариных глаз горело ровно, не потухая. Мочалов понял, что не пустячком была она для Кольцова и ни при чем тут, конечно, воронежская скука. «За такими глазами на край света пойдешь, – подумал Мочалов, – все позабудешь…»

Содержание

Владимир Александрович Кораблинов 4
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Владимир Александрович Кораблинов
Зимний день

Кто постигал его творенья.
Тот вместе с ним душой страдал,
П. С. Мочалов.

Был декабрь тысяча восемьсот сорок седьмого года. По Московскому тракту, ныряя в заледеневших ухабах, тащилась ямская рогожная кибитка, запряженная тройкой разномастных, косматых лошадей. Медленно, точно нехотя, мимо кибитки проплывали редкие деревья, покосившиеся вешки, метелки голенастого бурьяна и полосатые верстовые столбы. Шипела поземка. Кое-где дорогу пересекал свежий, еще не тронутый полозом сугроб. Направо, сквозь шевелящуюся мглу редкого снега, у самого горизонта, темнели крутые задонские холмы.

В кибитке было тесно от множества баульчиков, узлов, корзинок. Два больших дорожных сундука громоздились на запятках. Дорогие коричневой кожи, с огромными медными бляхами и, видно, очень тяжелые, они на ухабах сильно толкали в спину проезжего. При каждом новом толчке, откинув овчинную полость, проезжий высовывался из кибитки и бормотал:

– Черт бы вас побрал, окаянные! Скоро ли Воронеж-то? – кричал он ямщику.

Облепленный снегом, тот медленно поворачивался на облучке, хмуря забитые снегом густые брови, спрашивал:

– Ась? – и тыкал кнутом в сторону левой пристяжки. – Стало быть, скоро должен быть…

Наконец в белесом тумане завиднелись островерхие, с двуглавыми орлами, кирпичные столбы заставы. Ямщик остановил лошадей. Из кособокой избенки вышел будочник и стал читать подорожное свидетельство проезжего.

– Ар-тист им-пе-ра-тор-ских те-ат-ров, – медленно, по складам разбирал он бумагу, – Па-вел Сте-па-нов Мо-ча-ло́в…

– Не Мочало́в, а Моча́лов, – усмехнувшись, поправил проезжий.

Будочник молча вернул подорожную и пошел поднимать шлагбаум.

Через минуту по обе стороны кибитки замелькали убогие домишки Ямской слободы. Лохматые, с летошними репьями в хвостах собаки кидались под ноги лошадям. Возле колодезной колоды стоял чернобородый мужик в рваном полушубке и поил ребрастых, всклокоченных лошадей. Над крестом тюремной церкви, оголтело крича, черной тучей кружились галки. Обогнали с десяток промерзших, стучащих о мерзлую землю крестьянских дровнишек. С ружьем на плечо прошли четыре солдата. Закутанная в пеструю бахромчатую шаль, проплыла толстомордая купчиха. Наконец с потертым портфелем под мышкой, кутаясь в ветхую шинель, дорогу перебежал старичок-чиновник.

Это уже был город.

В гостинице Мочалова дожидался содержатель воронежского театра Микульский. Он то сидел в отведенном Мочалову номере, то выходил в коридор и, слегка прихрамывая, вышагивал из конца в конец по красной ковровой дорожке.

Когда на улице слышались бубенчики, Микульский подходил к окну и пытался сквозь морозные лилии разглядеть: не Мочалов ли? Часы в конце коридора протяжно пробили двенадцать, когда внизу зазвенела входная дверь и кто-то, обивая снег, затопал ногами. «Пожалуйте наверх!» – сказал коридорный.

Микульский побежал к лестнице. Засыпанный снегом, в огромной медвежьей шубе по красным ковровым ступенькам поднимался Мочалов.

– Батюшка Павел Степаныч! – подхватывая Мочалова под руку, воскликнул Микульский. – Слава богу-с! Ох, благодетель, и натерпелся ж я страху!

– Экой пугливый! – улыбнулся Мочалов.

– Так ведь посудите сами, родной… – Микульский припал щекой к мочаловской шубе. – Сегодня спектакль, билеты на неделю вперед проданы… Вдруг, думаю, в пути-то…

– Что в пути? – недовольно поднял бровь Мочалов.

– Ну… задержка какая… Сами знаете, ведь бывает с вами…

– Бывает, – вздохнул Мочалов. – Но вот видишь – бог миловал. Порфишка-то жив?

– Что ему делается, окаянному! И прогнать бы впору, да уж больно гример хорош… Художник!

– Так за что ж прогонять, коли хорош?

– Пьет, сударь, неделями глушит!

– Ну, брат, это не нами с тобой заведено, – серьезно сказал Мочалов.

Микульский только руками развел.

Выпроводив Микульского, Мочалов задумался.

Он был в Воронеже не в первый раз. Семь лет тому назад он так же, как и сегодня, въезжал в этот город через московскую заставу; так же, в этих же номерах встречал его встревоженный Микульский, опасавшийся, как бы Мочалов не задержался в пути, – все было так же. Разве что тогда весна была, апрель, над Воронежем стоял густой медовый запах цветущих садов. Да на душе было спокойней – черт его знает, моложе, что ли, был! – главное, несся он тогда в Воронеж, как на крыльях, от нетерпения поскорей встретиться с милым другом своим Алешей Кольцовым…

Сколько вечеров подряд, после спектакля, ходили они вместе прямо из театра в кольцовский дом, поднимались по темной винтовой лестнице на высокий мезонин, где жил Кольцов, и за бутылкой вина и чаем засиживались до тех пор, пока голубели от утреннего света окна и плыл над полусонным городом ранний перезвон церковных колоколов.

Всю ночь напролет сидели они так, читая нараспев стихи, с задушевной доверчивостью рассказывая о себе, поверяя друг другу печали свои и радости. Радостей у обоих было маловато, а горя – хоть отбавляй. И Кольцова, и Мочалова не баловала жизнь, завистники и недоброжелатели гнусом кишели вокруг того и другого: литераторы и актеры, литературные и театральные обыватели.

Труден был путь среди беспросветного мрака, где лишь один огонь сверкал, разгоняя ночь и освещая дорогу. Этим огнем был их общий суровый и нежный друг – Виссарион Белинский.

В одну из таких незабвенных ночей Кольцов рассказал Мочалову печальную историю своей первой любви.

На заре юности, на горе себе и ей, полюбил он принадлежавшую его отцу крепостную девушку. И отец, не желая этой любви, обманом отослал Кольцова в степь, и пока тот ездил, продал девушку неизвестно куда. И как ни искал ее потом Кольцов, так и не нашел.

Тихим прерывистым голосом рассказывал Кольцов. Тишина стояла в доме. На дворе хрипло закричал петух. Проснувшийся сторож вдруг отчаянно застучал колотушкой.

С огромной, беспощадной ясностью представилась Мочалову вся горестная история его друга. Беспомощная, несчастная девушка, Алексей, с красными от слез и бессонья глазами, рыскающий верхом по степным деревням и помещичьим усадьбам в поисках проданной Дунюшки…

И – главное – отец! Отец – палач, убийца – был тем самым благообразным, с длинной, засунутой за отвороты кафтана бородой, стариком, который, встречая Мочалова во дворе и, видимо, уважая его за богатое платье, всякий раз низко кланялся и говорил:

– Дома, дома… Пожалуйте, ваше благородие!

Два дня после этой ночи Мочалов ходил как в тумане, все думал о кольцовском горе: оно легло ему на плечи. Два спектакля играл он вяло, не вдохновляясь, не зажигая зрителей. Учитель местной гимназии господин Дацков, баловавшийся сочинительством, в статейке для «Губернских ведомостей» написал:

> «Он был иногда отчетлив, но такой отчетливости достигают и наши провинциальные актеры, а от Мочалова мы имеем полное право требовать гораздо большего и гораздо лучшего. Одним словом, два представления не показали нам таланта г. Мочалова в таком ярком величии, в каком мы привыкли представлять его».

Мочалов прочитал статейку, швырнул газету на пол и обозвал воронежского сочинителя ослом. Потом потребовал у коридорного бумаги, чернил и долго писал, марая, перемарывая и даже разрывая написанное на мелкие кусочки. Наконец стихи были переписаны набело.

До спектакля оставалось часа два. Наскоро одевшись, Мочалов побежал к Кольцову. Тому нездоровилось. Покашливая, закутавшись в свою ветхую шубейку, лежал он на покрытом пестрой дерюгой топчане, остановившимся взглядом уставившись на свечу.

Не снимая шубы, Мочалов прочитал свои стихи:

Полюбил я тебя, добра молодца,
Чистым сердцем, речью сладкою,
Мы ответами поменялися.
Не стаканами, не бокалами,
А сердцами крепко чокнулись,
И душа душе откликнулась
Ну, пойдем же, друг, рука об руку
Не за радостью, небывалой здесь,
А встречать одну долю горькую…

Приподнявшись на топчане, слушал Кольцов своего друга. В широко открытых светлых глазах его сверкало вздрагивающее пламя свечи.

Мочалов кончил читать, всхлипнул и, крепко обняв и поцеловав Кольцова, опрометью кинулся вон.

Все было как прежде: застава, город, гостиница, Микульский… Только Кольцова уже не было. И не весна была, а декабрь – зима, снег.

Мочалов вышел на улицу. С тяжелым сердцем, медленно подходил он к кольцовскому дому. Тяжко ему было идти туда, где все напоминало о трудных, печальных последних днях жизни его милого друга.

Белинский рассказывал ему, какие страдания вытерпел Кольцов перед смертью, когда он жил в холодном, нетопленом мезонине (отец запретил давать ему дрова), когда сестра Анисья, считавшая своего несчастного брата помехой в делах наследования отцовского дома, в шутку заживо отпевала его со своими подружками. «Вечная память рабу божьему Алексею…» – притворно-печальными голосами пели они панихиду по нем. А он, задыхаясь от дыма благовонных свечек, должен был слушать это издевательское отпевание, потому что от слабости не мог встать с постели и уйти…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.